

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ Г. НОВОСИБИРСКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АКЦИИ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ»¹

Проведение акции «Тотальный диктант» по инициативе студентов гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета в рамках «Дней гуманитарного факультета» – добрая традиция, которой уже 7 лет. В 2010 г. количество ее участников достигло максимального показателя – 2396 человек (см. диаграмму 1), многие из которых принимают участие в этом мероприятии уже не первый раз.

Диаграмма 1

При поддержке Фонда «Родное слово» участники данной акции писали диктант одновременно на 17 площадках г. Новосибирска: в Новосибирском государственном университете, Новосибирском государственном педагогическом университете, Новосибирском государственном техническом университете; в лицеях, гимназиях, книжном магазине «Плиний старший», в Новосибирской государственной областной научной библиотеке, в Областной администрации.

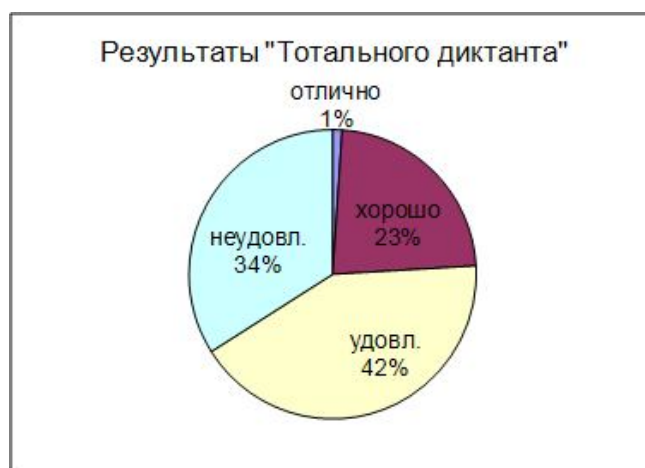
Судя по статистике предыдущих лет, это «священнодействие» привлекает не только студентов гуманитарного профиля, но и студентов других специальностей, а также самую широкую публику, которая не унифицируется ни по одному демографическому показателю: на диктант приходят люди всех возрастов – «от мала до велика» (в диапазоне от 8 до 76 лет), образования, профессиональных занятий, места работы и др.

¹ Статья опубликована в [Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья. Труды и материалы второй Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Тюмень, 2010. С. 54–64].

Текст диктанта был написан специально для акции Б. Н. Стругацким и был посвящен размышлениям о состоянии русского языка и перспективах его развития. С ним можно ознакомиться на сайте «Тотального диктанта» <http://totaldict.ru/>, где представлены также тексты диктантов прошлых лет, подробный разбор ошибок, критерии оценок, статистика, хроника событий и др. информация.

Результаты «Тотального диктанта» отражены в диаграмме 2.

Диаграмма 2

Если объединить все положительные оценки (включив и оценку «3»), то в целом результаты можно признать неплохими, так как 66% написавших показали хороший уровень письменной речи, даже несмотря на непростую «пунктуационную ситуацию в тексте», как написал один из участников акции. Основными грамматическими трудностями диктанта и «общим местом ошибок» («ошибкоопасными», по выражению Н. Д. Голева [2009]) стали в основном пунктуационные знаки.

Акция «Тотальный диктант» проходила под рекламным слоганом: **«Писать грамотно – это модно»**. Как нам кажется, он оказался эффективным по отношению к целевой аудитории. Средний возраст пишущих – от 18 до 30 лет, большинство из них студенты или недавние выпускники вузов, для которых высокий уровень грамотности является социально престижным.

Пресловутое слово *модно* сегодня обросло положительными коннотациями и стало «знаком» высокой оценки не только бытовых явлений (одежды, обуви, косметики, еды, мебели и т. п.), но и интеллектуальных занятий, увлечений современного человека (например, издательская серия «Амфоры» *«Читать [модно]»*, *«Модное кино»* на СТС). Об универсальности оценки по шкале **«модно – немодно»** свидетельствуют многочисленные заголовки прессы, названия телепроектов, рекламные слоганы: *«Модные ошибки»* («ТВ-неделя»), *«Модный проспект»*, *«Модный приговор»* (телепроекты); *«Мода на женственность»* (заголовок в Интернете); *«Мода в фокусе»*, *«Модное место»*, *«Модные тенденции»* (рубрики в

глянцевом журнале); *Большая мода*; **Модная** линия обуви, *Модный сезон* (из рекламы); «*Быть умным модно*» (новости, НТВ). Безусловно, **мода** в широком смысле превратилась в широкомасштабную PR-акцию, которая в рекламе «Тотального диктанта» оказалась вполне оправданной и уместной.

Во время проведения диктанта был проведен опрос, в котором приняли участие 492 респондента. В небольшой анкете было предложено дать ответы на вопросы: *Какого человека можно назвать грамотным? Какую ошибку Вы бы назвали простительной? Влияют ли Интернет и СМИ на уровень грамотности? Пользуетесь ли Вы функцией «сообщить об ошибке» в электронных текстах?* и т. п.

На вопрос «**Какого человека можно считать грамотным?**» 282 респондента (57,3%) ответили, что грамотным можно назвать человека «*правильно пишущего и грамотно говорящего*» (варианты ответов: **грамотный человек говорит и пишет без ошибок**; не делает **ошибок**; заботится о том, чтобы **писать грамотно** всегда; думает, что и как он **пишет**; уважает **правила** русского языка и следует им, зная их; допускает в **диктанте** из 400 слов не более 2-х **ошибок**; не пренебрегает **правилами и нормами**; допускает **1-3 ошибки** на страницу; **пишет** правильно и знает, когда можно **написать** «неграмотно»; не делает режущих слух и глаз **ошибок**; сдаст этот **диктант без ошибок**; видит **ошибки** и исправляет их в чужих текстах; понимает и любит свой язык, не коверкает его, ему не все равно, как люди говорят и **пишут**; может **грамотно писать** на родном языке, переделывать текст, понимает, что язык пластичен и неоднозначен; **пишет** правильно, много знает и читает; **пишет** красиво и **правильно**; знает **орфографию** и может по своему усмотрению пользоваться пунктуацией, который не пользуется «брендов» и «лейблов»; понимает внутреннюю логику грамматики и **правописания**; в состоянии **написать** письмо **без ошибок**; красиво **пишет** и говорит так, что слушать не противно; **пишет без ошибок** адекватные тексты; может практически **без ошибок** написать текст любого уровня сложности; не просто **пишет без ошибок**, но и понимает **правила** русского языка; **грамотно пишет**, когда этого требует ситуация; говорит и **пишет** и хочет говорить и **писать грамотно**; **пишет** и говорит **без ошибок**, эрудирован, тактичен в общении; умеет **правильно читать** и **писать**; сделает не больше **2-х ошибок** в «Тотальном диктанте»; **напишет** «Тотальный диктант» на «3» хотя бы).

Как видим, ключевыми лексемами, используемыми в метаязыковом комментарии респондентов, являются слова *писать*, *правильно / грамотно / без ошибок*; *норма / правило – ошибка*.

110 респондентов (22,4%) на этот же вопрос дали другие ответы, в соответствии с которыми грамотными можно считать:

– либо всех, либо никого: *очень редко какого; никакого; любого* (ср. вариант: *любого, если он найдет способ повысить свою грамотность*); *всех; кто учился в школе; кто обучен грамоте, то бишь письму; того, кто старается быть грамотным;*

– лиц определенной профессии: *филолога / того, кто учится на филолога; с гумфака, но не всех; учителя русского языка; составителей словарей; коллегу-редактора*. К этой группе примыкают конкретные ответы: *Д. Медведева; В. Путина; Пушкина; Ломоносова; Достоевского; Дитмара Эльяшевича Розенталя можно*, – которые свидетельствуют о том, что образ грамотного человека в сознании рядовых носителей языка ассоциируется с прецедентным именем. В качестве таких образцов могут выступать и близкие люди из окружения человека или даже он сам (ср. ответы: *меня; отца*);

– человека *умного; хорошего; культурного; образованного, эрудированного, читающего и пишущего*, качества которого определяются через поиск синонимичного, эквивалентного слова к прилагательному *грамотный* (группа «атрибутивных» ответов);

– успешного в коммуникативном отношении субъекта, которому грамотность помогает общаться с собеседником: *кто говорит по-русски; правильно ударяет слова; умеющего выразить свои мысли; умеющего грамотно составить предложение; имеющего богатый словарный запас и правильно им пользующегося; кого интересно слушать и чьи статьи интересно читать; если легко читать то, что он пишет; который мастерски владеет языком; владеющего русским языком без словаря; думает без ошибок; чувствующего родной язык, начитанного; того, кто может передать смысл без искажений; который, не напрягаясь, пользуется языком на высоком уровне* (эти ответы свидетельствуют о «коммуникативно-ориентированной» модели языка, интуитивно осознаваемой респондентами, для которых важна эффективность двустороннего общения);

– образованного человека, обладающего определенными знаниями или стремящегося их получить: *у кого «А» по русскому* (в ответе *по русскому* написано через дефис!); *на 100% знающего русский язык; кто прилагает усилия и постоянно учится; кто всегда неудовлетворен уровнем своей грамотности и на протяжении всей жизни стремится его повысить; кто продолжает учиться всю жизнь*. Сюда же мы относим ответы, в которых компонент ‘знание’ не вербализован, но подразумевается: *человека, который старается таким оставаться; который хочет быть таким;*

– человека, любящего и уважающего родной язык: *человека, знающего и любящего русский язык; человека, который относится к языку с любопытством и уважением; который уважает свой язык и не закрывает глаза на свои ошибки и ошибки других;*

– человека, способного к языковой рефлексии: *способного увидеть и исправить свои ошибки; кто учится на своих ошибках, извлекает из них урок; того, кто стремится испра-*

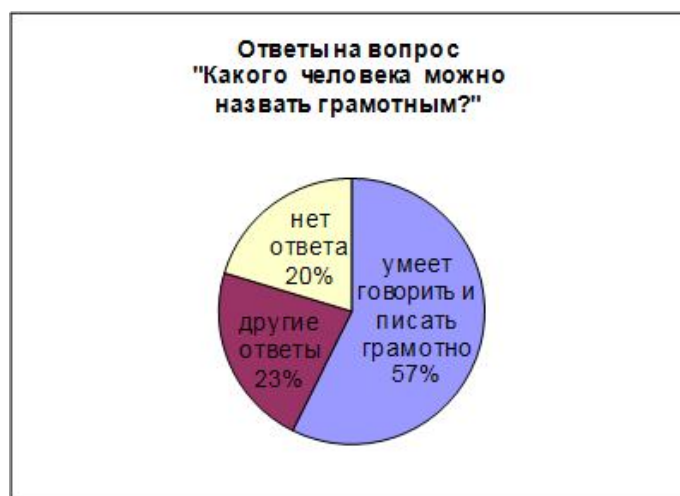
вить допущенные **ошибки** (эти ответы являются свидетельством того, что «орфографический компонент», вопреки мнению Н. Д. Голева [2000; 2009], играет довольно значимую роль в речемыслительной деятельности и речевой культуре человека);

– человека, для которого грамотность является более широким, чем письменная культура, качеством: *того, кто все делает грамотно; сведущего в своем деле; грамотного и в речи, и в делах!* (в этих ответах акцентируется другое значение многозначного прилагательного *грамотный* – ‘сделанный, выполненный и т. п. со знанием дела, в соответствии с основными требованиями данной области знаний; правильный’).

Были даны и парадоксальные ответы, обыгрывающие широкие ассоциативные связи прилагательного *грамотный*: *человека с какой-нибудь грамотой* ☺, а также представляющие собой логический круг – *грамотного человека* ☺.

100 человек (**20,3%**) оставили этот вопрос без внимания (некоторые в качестве оправдания написали: *сложно сказать; в двух словах не скажешь*). Возможно, абстрактность данного феномена и открытая форма вопроса объясняют «массовый отказ» от ответа на него. Обобщение результатов анкетирования (с округленными данными) дается в диаграмме 3.

Диаграмма 3

На вопрос «**Почему нужно быть грамотным?**» мы получили самые разные ответы, в большинстве своем позитивно эмоциональные, но в меньшей степени поддающиеся классификации: *Просто надо! (не почему, а просто НУЖНО!); Это ответственность гражданина за сохранность языка; Это развивает человека, в этом сила и будущее; Грамотность украшает человека; Грамотность позволяет отличить адекватного человека от быдла; Без языка нет культуры: хочется говорить и писать грамотно; Язык – лицо нации; А как сегодня без этого?; Это естество человека; Для счастья;* и т. д.

Вопрос «**Что необходимо для грамотного письма?**» вызвал следующие ответные реакции: **без ошибок писать слова** (так считают только 24 человека), **правильно расстав-**

лять знаки препинания (13 человек), «важно и то и другое» – так ответили 456 респондентов (≈92,7%).

В анкете содержался также вопрос «Замечаете ли вы ошибки в печатных текстах?», целью постановки которого было выяснить, насколько «раздражающим» фактором являются ошибки и опечатки. 475 человек дали утвердительный ответ, многие писали, что пользуются опцией «исправить ошибку» в электронном тексте, «берут ручку и исправляют», но только 21 человек действительно исправили намеренно допущенную нами ошибку в формулировке одного из вопросов: «некоторые написания заставляют задумат^Бся». Процент тех, кто думает, что замечает ошибки, и тех, кто действительно их замечает, не совпадает кардинальным образом: ≈ 97% – 4%, но косвенным образом подтверждает значимость фактора «порядка» в печатном слове.

Результаты анкетирования подтверждают вывод Н. Д. Голева об «орфографоцентризме»² современного языкового сознания [Голев 2009], который складывается благодаря тому, что в школьном курсе «Русский язык» занимаются, как бы мы сказали, «орфографической муштрой». Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о ее пользе. Так, Н. Д. Голев ее полностью отрицает: «Вряд ли можно назвать особенно эффективной действующую сейчас в школе методику обучения широких масс носителей русского языка орфографии» [2000: 33]. Традиционные методики преподавания русского языка в школе негативно оценивают и другие лингвисты, например, М. В. Всеволодова и В. Пазынин (радиопередача «Нужен ли русский язык компьютерному поколению?» на станции «Эхо Москвы», 2007). Есть у существующих методик и апологеты, которые предпринимают усилия для их совершенствования (см., например [Малявина 2009]).

В качестве эксперимента в этом году (2010 г.) мы предложили начальный фрагмент диктанта в виде привычного сейчас «слепого текста» с пропущенными знаками препинания и орфограммами. Количественные результаты ошибочных написаний именно в этом фрагменте превзошли все ожидания, причем ошибки были допущены на такие, казалось бы, простые правила, как правописание приставок на *з-* / *с-*: в слове *беСкультурие* подавляющее

---

² Следствием «орфографоцентризма» являются распространенные в узусе слова и выражения, такие как: *прописная истина; что написано пером, не вырубишь топором; писать, как курица лапой; поставить точку (в каком-л. деле); расставить все точки над и («i»); писать с красной строки; корову через «ять» пишет; запятые расставлять не научился; на ошибках учатся; ошибся – не ушибся, вперед наука; филькина грамота; прописи, каракули, ляпы, акулы пера*, и т. п. К данному ряду примыкают названия книг, например, Л. Боброва «Расставим точки над Ё. О русском языке», Ю. Полякова «Работа над ошибками», «Азбука инвестора», названия газет (Интернет-газета «Курсив»), или ставшая сегодня прецедентным текстом детская песенка «Учат в школе» (сл. М. Пляцковского): «*Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь учат ... рынки*» (название публикации // <http://www.kursiv.kz> 2010), и мн. др. Такие языковые и речевые факты свидетельствуют о включенности орфографии и письма как деятельности в лексикон русской культуры и менталитет современного человека (подобно алфавиту – «феномену русской культуры» [Шмелева 2009] и в непосредственной связи с ним.

большинство либо допустили ошибку, либо внесли последующие исправления. При этом около 70 человек, которым не досталось распечатанного заранее бланка «Тотального диктанта», писали этот фрагмент от руки, и ошибок не допустил никто.

Возможно, самоконтроль пишущих на этом участке текста был понижен по простой школярской привычке: было обещано не считать сделанные в этом абзаце ошибки при выставлении оценки за диктант, так как этот отрывок был проверен и прокомментирован сразу после проведения диктанта, на экран данный фрагмент был выведен с «искомыми» орфограммами и знаками препинания. Мы действительно не считали ошибок, допущенных в первом абзаце, но обращали внимание на то, что довольно часто грамотно написанная «от руки» часть работы резко контрастировала по качеству и количеству ошибок со «слепым» фрагментом. Более вероятным нам все-таки представляется другое объяснение: технология заполнения «слепого текста» исключает «автоматизм письма», требует обращения непосредственно к «правилу», т. е. к абстрактному лингвистическому знанию, а не к механическому навыку, что несоизмеримо сложнее. Возможно, эта обучающая методика способствует лучшему усвоению правил, но не способствует грамотному письму.

По аналогии с тем, что «речь автоматизируется наподобие ходьбы» (В. Леви цит. по [Вепрева 2005: 167]), можно говорить об автоматизме письменной речи, основанном на имеющихся (полученных в школе и при дальнейшей письменной практике) навыках, которые не работают при заполнении «слепого текста». Не случайно в орфографическом навыке исследователи отмечают взаимодействие моторных и интеллектуальных составляющих [Малыгина 2009].

На вопрос анкеты **«Что для вас проще?»** 65% респондентов выбрали вариант ответа «писать обычный диктант», и только 33% – «заполнять слепой текст». Данная часть эксперимента имеет важное прикладное значение и ставит под сомнение продуктивность «метода готового шаблона» как лингводидактического в школьной практике, широко сейчас распространенного, особенно в связи с финальной формой контроля знаний в виде ЕГЭ. Нецелесообразность и неэффективность этого методического приема подтверждают и данные анкетирования. На вопрос **«Что больше способствует формированию навыков грамотного письма?»** подавляющее большинство (91,3%) респондентов ответили, что только запись текста полностью.

Использованная нами форма анкетирования является искусственным способом получения от носителя языка метаязыкового комментария, или рефлексива, вербализующего метаязыковое сознание [Вепрева 2005], в отличие от естественного, отраженного, например, в открытых интернет-дневниках [Сидорова 2004]. Его нельзя отождествлять с понятием «языковое сознание», ср.: «Совокупность психических механизмов порождения, понимания речи

и хранения языка в сознании человека» [Стернин 2005: 159]. Это подтверждают и наши наблюдения: пафос исходного посыла и внутренняя ориентация на грамотность носителей языка (в анкетах) не является гарантией их реальной грамотности (в диктанте), т. е. «наличных» навыков грамотного письма.

Вряд ли можно с полным правом считать подобные формы – проведение «Тотального диктанта» и анкетирование – полноценным вариантом мониторинга качества знаний и уровня грамотности жителей г. Новосибирска и экстраполировать результаты на все категории населения. Мы понимаем, что участие в данной акции – дело добровольное, и обычно на него отзываются образованные, внутренне мотивированные люди. Но и она репрезентативна для определенного социального среза носителей языка.

Показателен также и огромный «спрос» на «тотальное письмо»: все желающие и пришедшие на диктант понимают важность и необходимость грамотного письма, которое является неотъемлемой частью общей культуры человека. Кроме того, привлекательным для носителей языка остается и сам процесс живой записи текста под диктовку, что отрадно на общем фоне технологичности создания современных текстов. Правда, о каллиграфии многих сданных работ говорить вообще не приходится³. Лучшие образцы почерка демонстрировали представители старшего поколения, особенно, что характерно, люди пенсионного возраста.

Основной целью акции являлась просветительская и образовательная. Организаторы «Тотального диктанта» из числа университетских преподавателей непосредственно после окончания диктанта, а также в течение недели после его проведения объясняли и комментировали правила орфографии и пунктуации всем желающим. Важно отметить, что около 10% участников⁴ вернулись на площадки для ознакомления с работами, что доказывает высокую степень заинтересованности в повышении уровня грамотности, его престижности.

Содержание диктанта, написанного Б. Н. Стругацким, вызвало горячую дискуссию на форуме сайта <http://totaldict.ru/>. Основной смысл полемики – выражение несогласия с позицией Б. Н. Стругацкого, вывод которого сформулирован однозначно: *«А Язык, как и прежде, живет своею собственной жизнью, медленной и непостижимой, непрерывно меняясь и при этом всегда оставаясь самим собой. С русским языком может произойти все, что угодно:*

---

³ О причинах неактуальности данного навыка пишет И. Е. Ким: «Появление технических средств печати ... привело к утрате **позиций каллиграфии-чистописания** и замене его на «правильнописание» [2009]. Ср. описание проведения урока молоденькой учительницей: [Директор школы] *сделал замечание дважды. Один раз миролюбиво: – Ты почему язык высовываешь, когда пишешь на доске? Стараешься? Ну и стой тогда спиной, чтобы ребята не видели...* (Н. Долинина. Первые уроки // Нева, 1988, № 1) – вряд ли сегодня можно наблюдать такие «знаки»-кинемы старательности в письме.

⁴ Вероятно, количество желающих «дойти до самой сути» было намного больше. Все могли дистанционно ознакомиться с правильным текстом, так как на сайте был размещен диктант с подробным комментарием всех проблемных мест (уже с учетом реально допущенных в диктанте ошибок), вариантных орфограмм и пунктограмм.

перестройка, преобразование, превращение, – но только не вымирание. Он слишком велик, могуч, гибок, динамичен и непредсказуем, чтобы взять – и вдруг исчезнуть. Разве что вместе с нами». Аналогичный взгляд на проблему высказывают лингвисты. В. Иваницкий называет тревогу за состояние языка «неврозом пуризма» [1998]. Мнения других специалистов не так благодушны. Например, Л. П. Крысин считает факты жаргонизации литературной речи и усиления процесса заимствования иноязычных слов (который в лингвистической литературе обозначается негативно окрашенной метафорой – «языковая интервенция») разрушением культурных традиций. Ср. также другие мнения: «Что касается “языкового кризиса” наших дней, то он проявляется не на уровне языковой системы, а в сфере культуры речи и отражает крайне низкий уровень владения языком – либо массовое косноязычие, либо языковую разнузданность. “Языковой кризис” обусловлен, сформирован, поддерживается и провоцируется кризисом общества, и “спасение языка” может произойти только естественным путем как следствие спасения общества» [Скляревская 2002: 198]; «Многие лингвисты ... полагают, что ... своих богатых возможностей русский язык уже не утратит, а неспособность ими воспользоваться будет характеризовать не язык как инструмент, а тех, кто не умеет пользоваться этим инструментом» [Шмелев 2005]).

Носители языка уверены в обратном: язык «портится». Предполагаем, что свидетельства порчи для рядовых носителей языка (и для некоторых лингвистов) являются факты «антиорфографии» в рекламе [Дунев 2005], Интернете [Голев 2005, 2009; Дедова 2007] и СМИ [Сафонова 2002; Кронгауз 2002], что в очередной раз подтверждает «орфографоцентризм» массового сознания русских.

Одинаковое негодование и отторжение вызывают как случаи сознательного искажения орфографических и несоблюдения пунктуационных норм (получивших название «эрратив»⁵ [Гусейнов 2005]), которые профессиональные лингвисты⁶ считают проявлениями приемов «языковой игры», так и бессознательного, ненамеренного, действительно ошибочного. Все это для современных носителей русского языка (пусть они кажутся кому-то оголтелыми пуристами⁷) – повод для сильной тревоги. А для нас – яркое свидетельство того, что современная языковая ситуация неоднозначна, носителей языка по-настоящему интересуют проблемы «экологии языка», и для них это не метафора (так же, как происходящее – не «игрушки»), а пугающая последствиями реальность. Их сознательное массовое участие в акции

---

⁵ **Эрратив** определяется как «нарочито грубое искажение стандартного написания слова». Отсюда производный термин – «**эрратография**» [Уткин 2009].

⁶ Например, Т. А. Гридина [1996], Е. А. Земская [1997], В. З. Санников [2002] и мн. др.

⁷ Ср.: «Ревнителю “русского” заслуживают не насмешки, а уважения. Несмотря на видимую нерезультативность их усилий, они являются своего рода противовесом для противоположных тенденций. А противовесы нужны. И можно, конечно, смеяться над требованием писать вывески по-русски, но определенный эффект оно дает» [Кронгауз 2002].

«Тотальный диктант» – акт доброй воли в поддержку «русской орфографии», ее незыблемых законов, а через нее – русской речи и русского языка.

Можно сравнивать орфографию с ненужным ритуалом или строгой догмой, «путами» для пишущих или сводом формальностей⁸. Представление о значимости орфографии приводит к тому, что «русский язык ассоциируется с русской орфографией. Если призывают беречь русский язык, все начинают беречь русскую орфографию» (В. Пазынин. Радио «Эхо Москвы», 2007). «Незыблемая» орфография в понимании современных носителей русского языка, участников акции «Тотальный диктант» – это залог не только нашего взаимопонимания, но и национального единства: *«Никакого рационального зерна в этом мероприятии нет, никакой выгоды не извлечёшь. Участие в тотальном диктанте – это для души, для ума, для особого мироощущения, для осознания, что ты – русский человек, а значит, иррациональный, не поддающийся логическому объяснению»* (из конкурсного сочинения «Как я писал Тотальный диктант»). Это высказывание перекликается с мнением И. Т. Вепревой об орфографии как знаке идентичности [2007].

Хочется верить в пророчество слов Г. Н. Складневской о том, что «процессы, происходящие в русском языке на рубеже веков, только на первый взгляд производят впечатление языковых катаклизмов – в действительности они реализуют гибкость и жизнеспособность современной языковой системы, в них больше закономерного, чем случайного, и больше вселяющего надежду...» [Складневская 2002: 198].

Литература

1. Вепрева И. Т. Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. М., 2005. С. 153–164.
2. Вепрева И. Т. Орфография как знак идентичности // *Русский язык в центре Европы-10*. Банска Бастрица, 2007. С. 26–34.
3. Голев Н. Д. Некоторые принципы орфографического строительства и проект Свода правил русского правописания (2000) // *Лингвистический ежегодник Сибири*. Вып. 7. Красноярск, 2005. С. 31–37.
4. Голев Н. Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. М., 2005. С. 172–187.
5. Голев Н. Д. Массовое письменное сознание: о некоторых проблемах его изучения и возможных путях их решения // *Материалы Интернет-конференции «КИРИЛЛИЦА – ЛАТИНИЦА – ГРАЖДАНИЦА»*, 2009 // http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/cur_1
6. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
7. Гусейнов Г. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику, 2005 // http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm
8. Дедова О. В. Антиграфия в Рунете // *Русский язык: Исторические судьбы и современность*. III международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 342–343.
9. Дунев А. И. Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. М., 2005. С. 165–172.

---

⁸ Ср.: ...соблюдение орфографических законов как-то связано с уважением нравственных... (Д. Быков. Орфография)

10. Земская Е. А. Лингвистическая мозаика: Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX века // Оценка в современном русском языке. Helsinki, 1997.
11. Иваницкий В. Порча языка и невроз пуризма // Знание-сила, 1998. №9–10. С. 82–90 (цит. по http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ivan/Ivan_PorJaz.php)
12. Ким И. Е. Пространственно-кинематическая теория русской пунктуации // Материалы Интернет-конференции ««КИРИЛЛИЦА – ЛАТИНИЦА – ГРАЖДАНИЦА», 2009 // http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/cur_1
13. Кронгауз М. Язык мой – враг мой? // Новый мир, 2002, № 10.
14. Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002.
15. Малявина Т. П. Особенности структуры орфографического навыка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009, №2. С. 237–241.
16. Сафонова Ю. А. Завершилась акция «Радио по-русски или по руски» // Мир русского слова, 2002, № 5. С. 67–68.
17. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
18. Склярская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: Состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 177–202.
19. Сидорова М. Ю. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернет-дневников) // Сибирский филологический журнал, 2004, № 1. С. 117–129.
20. Стернин И. А. Язык и национальное сознание // Логос, 2005, №4.
21. Уткин Ю. В. Об эрратографии как орфографическом стилевом средстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009, №2. С. 203–204.
22. Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки, 2005, № 2 (23).
23. Шмелева Т. В. Алфавит как феномен русской культуры // Материалы Интернет-конференции ««КИРИЛЛИЦА – ЛАТИНИЦА – ГРАЖДАНИЦА», 2009 // http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/cur_1